

Потенциал рабочего класса

Марти ЧЕМОДАНОВ. Доктор философских наук, профессор.

В немногочисленных социологических исследованиях, посвящённых положению рабочего класса, его революционный потенциал оценивается весьма пессимистично или вообще остаётся за кадром. Подобное молчание аналитиков — настоящий подарок для класса «новых русских». Между тем именно начальная фаза восхождения к власти новой российской буржуазии ознаменовалась крупным выступлением советского рабочего класса. Речь идёт о выступлениях горняков. Шахтёрское движение продолжалось с приливами — отливами 10 лет, с 1989 по 1999 год. Борьба началась при коммунистах и семь лет продолжалась при «демократах». Наверное, поэтому политические противники не испытывают желания обратиться к изучению опыта этой борьбы. 1 февраля 1999 года состоялся всероссийский (теперь только в масштабах Российской Федерации) съезд шахтёров, в работе которого приняли участие представители правительства во главе с премьер-министром Е.М. Примаковым. Съезд обсудил вопросы социально-экономического положения в отрасли и пути её вывода из кризиса. Как приоритетные направления дальнейшего реформирования угольной отрасли съезд определил увеличение доли угля в энергобалансе страны и ориентацию на развитие перспективных угольных предприятий. Как видим, шахтёры настраивались на взаимодействие с новым правительством. Но президент РФ быстро распрощался с неподходящим премьер-министром. В то же время из забастовочного котла был спущен последний пар...

Актуальные вопросы из недавнего прошлого

Первый вопрос хотя и не является главным, но требует ответа с исторической точки зрения. Сколь обоснованным было массовое выступление шахтёров? Думается, ответ на него принадлежит заместителю Председателя Совета Министров СССР Л.А. Воронину. Выступая на одном из совещаний у председателя правительства 25 июля 1989 года, он отметил: «Только за последние десять лет высшие союзные и республиканские органы приняли не менее 15 постановлений по Кузбассу (аналогично и по другим регионам), в которых намечалось решить острейшие вопросы социально-экономического развития региона и его отдельных городов. Но в большинстве они остались невыполненными».

Многokrратно не исполненные обещания государства были равноценны обману. Терпение людей лопнуло. Потому и не сработали «миротворческие» обращения делегатов XXVIII съезда КПСС к шахтёрам об отмене всесоюзной однодневной стачки: исчез фактор доверия.

А теперь поставим один из самых существенных вопросов: почему в шахтёрской массе нашли поддержку требования отторжения КПСС от жизни отрасли как партии, не отвечающей коренным интересам рабочего класса? Хорошо известно, какой восторг позиция шахтёров вызвала в стане антикоммунистов-«демократов» всех мастей. Образовался даже канал разнообразных связей вплоть до зарубежных центров поддержки российских реформ. Для лидеров забастовочного

движения не было большим секретом, что часть политических требований была привнесена в шахтёрскую среду извне. Это был канал нарождавшихся буржуазных и мелкобуржуазных влияний на рабочую среду. Он сфокусировался на чисто политическую кампанию, нацеленную на уничтожение КПСС.

В буржуазной (и не только) среде до сих пор распространена уверенность, что именно шахтёры принесли на плечах к власти Ельцина. На самом деле надо отдать должное классовому чутью и принципиальности горняков. К главным уничтожителям КПСС они сохраняли критическое отношение. Именно шахтёры в массе своей выдвинули требование отставки президента Горбачёва, а затем и президента Ельцина. Чутьё, к сожалению, имеет свойство опаздывать в сравнении с динамичными событиями и со знанием обстановки. Откуда было знать шахтёрам, что Ельцин, находясь уже вне КПСС, начал, в том числе в личных целях, ориентироваться на стремительно вырвавшийся крупный капитал и служить ему. Именно в его интересах в 1993 году он расправился с мелкобуржуазным Верховным Советом РСФСР.

Откуда было знать шахтёрам, как и всем трудящимся, что Горбачёв, оставаясь в КПСС, до последнего часа вёл курс к мелкобуржуазному перерождению партии рабочего класса. Слово бы в насмешку над предупреждением шахтёров о всеобщей политической стачке Горбачёв 2 июля 1990 года в начале Политического отчёта XXVII партийному съезду говорил: «На смену сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных людей. Радикально преобразуется политическая система, утверждается подлинная демократия со свободными выборами, многопартийностью, правами человека, возрождается реальное народовластие. Демонтируются производственные отношения, служившие источником отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда, создаются условия для свободного соревнования социалистических производителей». В этой риторике что ни мысль, то сияние буржуазного (прежде всего мелкобуржуазного) горизонта. Перечислено почти всё, что неминуемо уведёт от коренных интересов рабочего класса. Сегодня уже увело.

Правда заключается в том, что не рабочий класс уходил от КПСС, а КПСС уходила от рабочего класса. Итог известен.

Поставим следующий вопрос: как оценивать экономические требования забастовавших шахтёров? Основная масса претензий вытекала из повседневных условий труда и жизни горняков. Шахтёры столь же активно, как и на повышении оплаты труда, настаивали на современном благоустройстве городов и защите природы. Было очевидно, что они будут драться за исполнение своих требований при любом общественно-политическом строе. Их удовлетворит только строй, отражающий их классовые интересы.

Пролетарский опыт шахтёров

Блок экономических требований шахтёров сопровождался рядом новых и необычных предложений. Они касались главным образом заключения генерального тарифного соглашения, перехода на отраслевой хозрасчёт и полную самокупаемость предприятий. Здесь шахтёры попались в ловушку, которую им заботливо приготовили... учёные и другие специалисты. Эти люди с мелкобуржуазным «задним умом» постепенно овладевали сознанием забастовщиков. Не будем здесь входить в экономические подробности. Скажем лишь, что шахтёры, выступая за отраслевой и местный хозрасчёт, исходили из своих специфических, отраслевых условий

производства. Это было естественно, если учесть, что они не хотели перехода к капитализму.

Подлог обнаружился чуть позже. Когда наступила эпоха приватизации в отрасли, шахтёрам было сообщено, что хозрасчёт непременно будет, только он будет основываться на... ценах мирового рынка. Потребуется, следовательно, реструктуризация отрасли, то есть закрытие шахт. Можно без труда себе представить, во что вылилась бы сия реструктуризация для рабочей силы, если бы не размах забастовочной борьбы. Шахтёры ругали власть коммунистов за пустые прилавки. У новых хозяев они уже униженно просили устранить многомесячные задержки заработной платы.

Так на рабочий класс крупной промышленности накладывалась мелкобуржуазность.

Теперь мы поставим, вероятно, самый интересный вопрос: каким был характер власти у бастовавших шахтёров? В большинстве шахтёрских городов, как только возникал забастовочный комитет (потом он преобразовывался в рабочий), власть переходила к нему, а местные органы государственной власти сразу оказывались подотчётными забасткому. Люди шли к нему. Члены забастовочного комитета обеспечили жизнеспособность всех производственных объектов. Оплата труда шла по сдельным ставкам основного производства. Контролировались работа магазинов, продажа водки. Весь криминал попрятался, преступность исчезла.

Рабочие очень быстро перенимали некоторые функции не только управления производством, но и (даже!) контроля за действиями высших органов Центра (рабочие комитеты Кузбасса требовали, чтобы правительственная комиссия докладывала им о выполнении соглашений). Что это было, если не искать ответы в закоулках чистой демократии? Безусловно, диктатура пролетариата. Налицо приобретение власти явочным порядком, не опираясь ни на какие законы, с высокой степенью организованности и ответственности рабочих. Конечно, это зачатки диктатуры на местном уровне власти. Но они ценны ещё и тем, что несут в себе черты общественного самоуправления. Рабочие Кузбасса перешагнули через демократию буржуазии. Члены комитетов избирались открытым голосованием. Очень демократично. Пролетариат Кузбасса показал, что никакой «чистой демократии» не бывает. Разглагольствования о ней — это либеральный мусор.

Шахтёры также показали, что все крики о тоталитарном режиме, свободе личности и т.п. не имеют никакого отношения к власти рабочего класса. Они показали пределы применения прямого насилия. Криминальный мир сразу усвоил, что ему не сдобровать.

Практика забастовочного Кузбасса продемонстрировала, что в реальном советском обществе было классовое противоречие между рабочими и крестьянами объективно вытеснено с первых позиций проблемой взаимодействия рабочего класса и интеллигенции. Оказалось, что шахтёры бесконечно далеки от уравнительности в оценке труда интеллигенции и рабочих. Более того, в Кузбассе начала складываться система дифференцированного подхода. Рабочие потребовали стимулирования работы ИТР на подземных участках, их не пугали условия оплаты труда специалистов при некоторых видах приватизации активов. При этом они решительно выдворяли из состава забасткомов интеллигентных свистунов и демагогов. Правда, при этом шахтёрам был свойствен излишний пиетет к представителям науки.

Резервы успеха

Формы власти рождались совершенно естественным образом из объективного положения и жизненного опыта рабочих. Такой опыт и надо изучать самым тщательным образом, если рабочий класс хочет быть господствующей политической силой. Надо отказаться от абстрактных

рассуждений о полной деморализации российского рабочего класса. Он потерпел историческое поражение — это так. Но когда забастовавшие шахтёры оказались лицом к лицу с победившей мелкобуржуазностью, они не остановились перед её напором.

Верно, диктатура капитала за 15 лет почти уполовинила численность промышленного рабочего класса (мы всюду берём данные за 2004—2005 годы, дабы нас не подозревали в тенденциозном использовании показателей кризисного периода). В 1990 году в промышленности России было занято 17 миллионов рабочих. В 2004-м их осталось 9 миллионов. Самая передовая часть рабочих, сосредоточенная в машиностроении и металлообработке, насчитывала 7,5 миллиона, осталось 3 миллиона, то есть сократилась в 2,4 раза. Тем не менее машиностроители остаются самой многочисленной группой из всех отраслей промышленности. Мы не утверждаем, что они, и только они поднимутся против всевластия капитала. В другой ведущей отрасли экономики — нефтедобыче, переработке нефти и газодобыче — в 2004 году было занято всего-то около 350 тысяч рабочих — менее 6 процентов числа рабочих промышленности. Но если эти отряды пролетариата остановят производство, то скоро существующей власти придёт конец.

Такова арифметика революционной борьбы. Алгебра несколько иная.

Мина мелкобуржуазности

На пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ в 2010 году секретарём ЦК Д.Г. Новиковым был сделан следующий вывод: «Именно мелкобуржуазность пустила корни в КПСС и погубила её». С нашей точки зрения, вывод, имеющий исключительное теоретическое и политическое значение. Сразу возникает два вопроса. Что такое мелкобуржуазность как течение мысли в обществе, где не было ни одной буржуазной партии? И что такое мелкобуржуазная среда в обществе господства рабочего класса?

Искать истоки мелкобуржуазности только среди части интеллигенции — значит ошибаться дважды. Во-первых, это означает подмену вопроса о возникновении мелкобуржуазной среды, фактическое сужение вопроса о природе мелкобуржуазности и даже его снятие. Во-вторых, окажется подвергнуто теоретическому искажению само понимание основ мелкобуржуазности в социалистическом обществе.

История большевизма есть в существеннейшей степени история борьбы с мелкобуржуазностью. Причём с мелкобуржуазностью, так сказать, в натуральную российскую величину: и как теорией, и как политическим движением. Народовольцы, меньшевики, анархисты, бундовцы, эсеры, троцкисты... От мелкобуржуазного прошлого осталось обширное идейное наследство. Некоторые из течений имели немалое влияние в самом многочисленном классе — крестьянстве. Но все, буквально все стремились занять верховенствующие позиции в рабочем классе. Их лидеры понимали, что помещиков и царизм одними вилами не вздымешь. Город должен исполнить роль помощника крестьянства. Отсюда ожесточённость борьбы с коммунистами за рабочий класс. Историческая правота оказалась на стороне ленинской партии.

Конечно, в советском обществе могли оставаться и оставались последыши различных мелкобуржуазных теорий. Их политическое значение было реально в довоенные годы. Но пытаться перемещать старые мелкобуржуазные движения в эпоху перестройки сомнительно.

Истоки мелкобуржуазности лежали в экономическом положении трудящихся классов и интеллигенции советского общества. Большевики поставили и решили задачу величайшего значения: установили общественную собственность на средства производства в масштабах,

обеспечивших господство рабочего класса и уничтожение господства капитала.

Однако большевики не смогли решить другую задачу — преодоления товарно-денежных отношений, хотя попытки такого рода предпринимались неоднократно. Скоростной коммунизм потерпел неудачу в первых коммунах. Ещё неудачней оказалась попытка использовать продразвёрстку для прямого продуктообмена между городом и деревней. Пришлось перейти к развитию товарно-денежных отношений, использованию в интересах социализма буржуазного принципа распределения по труду, постановки учёта и контроля за мерой труда. Всё это Маркс предвидел и называл пережитками капитализма, видя в их преодолении необходимость низшей стадии коммунизма. Товарно-денежные отношения являлись средством закрепления людей в определённых классовых группах и при социализме. Это достаточно серьёзное основание для подразделения коммунизма на две стадии.

В РКП(б) очень хорошо знали работу Маркса 1875 года «Критика Готской программы». И очень серьёзно относились к теме пережитков капитализма. Но в стремлении приблизить переход общества в высшую фазу коммунизма теоретическая мысль КПСС постепенно усиливала тезис о преодолении пережитков капитализма в сознании людей. У Маркса же добрая половина упомянутой работы посвящена материальным пережиткам капитализма, а не сознанию, и на этой базе делался вывод в её заключительной части о том, что для преодоления этих пережитков потребуется государство революционной диктатуры пролетариата. Складывается впечатление, что шахтёры стояли значительно ближе к Марксу, нежели некоторые марксистские теоретики.

В социалистическом обществе товарно-денежные отношения несли в себе заряд частного интереса, который не мог быть истреблён административно и существовал действительно как пережиток, но не в сознании людей, а в экономическом основании нового общества. Этот пережиток надо было пережить, в противном случае он возрождался во всех проявлениях господствующего капитала. Как только в перестраивавшейся России был поставлен вопрос о приватизации и рыночных свободах, процесс создания мелкобуржуазной среды «пошёл». Именно мелкобуржуазной, так как даже западные консультанты видели, что открыто начинать присвоение крупных средств производства в Советском Союзе смерти подобно.

Многих советских людей до сих пор поражает скорость экономического расслоения сограждан и ещё больше — лёгкость обмена социалистических идеалов на буржуазные ценности. Скорости расслоения способствовало использование преимуществ централизованной и плановой системы управления народным хозяйством в интересах приватизаторов основных средств производства. Не зря самым хорошо охраняемым секретом в нынешнем Российском государстве, начиная от Счётной палаты и Генеральной прокуратуры, продолжают оставаться манипуляции с созданием стартовых капиталов.

Что же касается течения мелкобуржуазной мысли, упомянем об одном современном феномене воспроизводства класса буржуазии. Начиная примерно со второй половины прошлого века стали быстро усиливаться позиции научно-технической интеллигенции в развитии общественных производительных сил. Происходило то, что мы привыкли характеризовать как научно-техническая революция (НТР). В те десятилетия философами, социологами, экономистами была создана огромная многосторонняя литература и статистика НТР и её социальных последствий. Отзвуки былого поклонения учёным доносятся до наших дней.

Несомненна связь этого прошлого с теориями определяющей (креативной), надклассовой роли

интеллигенции в прогрессе общества. То, что предлагали учёные, многим казалось шагом вперёд в сравнении с реальным социализмом. Однако на современном этапе общественного развития всеобщий труд учёных завершился не созданием новшества, а возрастанием капитала. Закрывать глаза на связь такого результата с облучающей общество мелкобуржуазностью было бы чрезвычайно опрометчиво.

ЧЕМОДАНОВ Марти Петрович, доктор философских наук, профессор, в прошлом работник аппарата ЦК КПСС

Переиздано с сайта <http://gazeta-pravda.ru/content/view/10943/74/>

От редактора сайта.

В условиях, когда снова активно заговаривают вопросы теории марксизма методами идеологического воздействия на созревающий для борьбы рабочий класс чрезвычайно важны. Такие работы, в которых пролетариат смог бы узнать и понять современное состояние вопроса о своем потенциале и проблемах развития. Важно очень понять проблему товарно-денежных отношений, которую укрепляла и укрепляет сейчас научная социальная составляющая в России и дальнейшее отношение к ней пролетариата.

А.В.Федотов